

Ирвинг Вашингтон

Кладоисскатели

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Ирвинг Вашингтон

Кладоискатели / Ирвинг Вашингтон – М.: Книга по Требованию, 2011. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2750-2

Современному читателю трудно представить себе, сколь велика была популярность Вашингтона Ирвинга в его время. Соотечественники писателя шутили, что Европа знает США только по Ниагарскому водопаду и книгам Ирвинга. Было и официальное признание его заслуг - почетные дипломы, золотые медали, членство в различных ученых обществах. Ирвингу неоднократно предлагали занять государственные посты, в том числе пост мэра Нью-Йорка и депутатское кресло в конгрессе. Но он предпочел тяжкий труд писателя (по восемь часов за столом), уединенную жизнь на маленькой ферме в долине реки Гудзон, подальше от шумной городской суеты. Прозаик, историк, эссеист, он оставил большое литературное наследство. Конечно, не все произведения писателя читаются сегодня с одинаковым интересом. Однако его лучшие книги, и в том числе «Альгамбра», «Рассказы путешественника», «Брейсбридж-Холл» и «американские» новеллы из «Книги эскизов», не утратили своего значения и по сей день.

ISBN 978-5-4241-2750-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Вашингтон Ирвинг
Кладоискатели

*Из бумаг покойного Дмитриха Никкер-
боккера*

*Теперь я вспомнил болтовню старух,
Как мне они шептали сказки
Об эльфах и тенях, скользящих ночью
В Местах, где клад когда-то был
зарыт.*

Марло «Мальтийский еврей»

ВРАТА ДЬЯВОЛА

Приблизительно в шести милях от достославного города, носящего имя Манхеттен, в том проливе, или, вернее, морском рукаве, который отделяет от материка Нассау, или, что то же, Лонг-Айленд, есть узкий проток, где течение, сжатое с обеих сторон высящимися друг против друга мысами, с трудом пробивается через отмели и нагромождения скал. Порою, однако, оно стремительно несется вперед и преодолевает эти препятствия в гневе и ярости, и тогда проток вскипает водоворотами, мечется и ярится белыми гребнями барашков, ревет и неистовствует на быстринах и бурунах — одним словом, предается безудержному буйству и бешенству. И горе тому злополучному судну, которое отважится в такой час ринуться ему в когти!

Это буйное настроение, впрочем, свойственно ему лишь по временам, в определенные моменты прилива или отлива. При низкой воде — правда, считанные минуты — течение бывает так спокойно и тихо, что о лучшем нечего и мечтать; но едва начнет подыматься вода, как на него нападает безумие, и когда прилив достигает половины своей высоты, оно мечется и беснуется, как забулдыга, жаждущий выпить. Но вот вода поднялась до наивысшего уровня — и течение снова делается спокойным и на время засыпает столь же сладко и безмятежно, как олдермен после обеда. И вообще его можно сравнить с задирой пьянчужкою, малым миролюбивым и тихим, когда ему нечего выпить или, наоборот, когда он пропитался выпивкою насквозь, и сущим дьяволом, когда он только навеселе.

Этот могучий, бурный, буйный и пьяный проток, будучи опаснейшим для плаванья местом, доставлял немало неприятностей и хлопот голландским морякам былых дней; он самым бесцеремонным образом швырял их похожие на лохани суда, кружил их вихрем в водоворотах, и притом с такой быстротой, что у всякого, кроме голландца, непременно закружилась бы голова; он нередко бросал их на скалы и рифы, как это случилось, например, со знаменитой эскадрою Олофа Сновидца, разыскивавшего в то время подходящее место для закладки Манхэттена. Именно тогда, будучи вне себя от ярости и досады, он и его спутники прозвали эту стремнину «Хелле-Гат» [Helle gat

— чертова дыра (голл. *]*) и торжественно отдали ее во владение дьяволу. Это название было переосмыслено впоследствии англичанами и превратилось в «Хелл-Гейт» [Hell-gate — врата дьявола (англ. *]*), а на устах незваных пришельцев, не понимавших ни по-голландски, ни по-английски — да поразит их святой Николай! — даже в совершенно бессмысленное «Хорл-Гейт».

Врата Дьявола в детстве моем внушили мне ужас и были ареною моих рискованных предприятий; будучи мореплавателем этих мелких морей, я не раз во время восхитительных скитаний, которые обожал, как и все голландские пострелы-мальчишки, подвергался опасности потерпеть кораблекрушение и утонуть. И впрямь, отчасти из-за названия, отчасти по причине различных связанных с этим местом необыкновенных событий и обстоятельств, в моих глазах и в глазах моих вечно праздных приятелей Врата Дьявола были неизмеримо страшнее, чем Сцилла и Харибда¹ для моряков древности.

Посредине этой стремнинны, рядом с группою скал, называемых «Курица и

цыплята», виднелся остов разбитого судна, попавшего в водоворот и во время шторма выброшенного на камни. Передавали, что это пиратский корабль, и еще какую-то историю о страшном убийстве — что именно, я не помню, — заставлявшую нас смотреть на разбитый корпус с паническим страхом и обезжаживать его по возможности дальше. И действительно, унылый вид разрушающегося корабельного остова и место, в котором он гнил в одиночестве, были сами по себе достаточным основанием, чтобы породить причудливые образы и представления. Ряд покривевших от времени, едва выступавших над поверхностью судовых ребер — вот все, что мы видели при высокой воде; но когда начинался отлив, обнажалась довольно значительная часть корабельного корпуса, и его могучие ребра или шпангоуты с нависшими на них водорослями, проглядывавшие сквозь отпавшую местами обшивку, казались огромным костяком какого-то морского чудовища. Над водою высился даже обрубок мачты с болтавшимися вокруг него концами канатов и блоками, которые скрипели при ветре, и над меланхоличным корпусом корабля описывала круги и пронзительно кричала прилетевшая с моря чайка. Я смутно припоминаю рассказы о матросах-призраках, которых иногда видели ночью на корабле; у них были голые черепа, в их пустых глазных впадинах горели синие огоньки, но я успел запамятовать подробности.

Эти места были для меня областью сказки и вымысла, чем-то вроде Пролива Чудовищ у древних. Берега рукава, от Манхэттена и до самой стремнины, весьма живописны; они изрезаны крошечными скалистыми бухточками, над которыми простирают свои ветви деревья, придающие им дикий и романтический вид. В дни моего детства с этими потаенными уголками связывалось бесчисленное множество легенд и преданий, повествовавших о пиратах, духах, контрабандистах и зарытых сокровищах; эти предания пленили мое воображение и воображение моих юных спутников. Достигнув зрелого возраста, я произвел тщательное расследование, поставив себе целью выяснить, есть ли в этих преданиях хоть чуточку правды; я всегда с живым интересом изучал эту драгоценную, но темную область истории моего края. Впрочем, добиваясь достоверных известий, я встретился с бесконечными трудностями. Прежде чем мне удавалось докопаться до какого-нибудь давно забытого факта, я натыкался на невероятное количество басен и сказок. Я не стану распространяться о «Чертовом переходе», по которому сагана, как по мосту, ретировался через пролив из Коннектикута на Лонг-Айленд, ибо эта тема, кажется, уже разрабатывается одним моим ученейшим и достопочтеннейшим другом-историком, которого я снабдил некоторыми подробностями по этому поводу². Равным образом я умолчу также и о черном призраке в треугольке, которого не раз замечали в непогоду у Врат Дьявола на корме углой шлюпки, который известен под именем Пират-привидение и которого, как носилась молва, губернатор Стюэйт застрелил когда-то серебряной пулею, ибо мне так и не пришлось встретить кого-либо, заслуживающего доверия, кто подтвердил бы, что видел этого черного человека, за исключением разве вдовы Мануса Конклина, кузнеца из Фрогснека; но бедная женщина была немного подслеповата и могла впасть в ошибку, хотя утверждают, будто в темноте она видела много лучше, чем кто бы то ни было.

Все это, впрочем, вещи второстепенные по сравнению с рассказами о пиратах и зарытых ими сокровищах, которые больше всего возбуждали мое любопытство. Нижеследующее — вот все, что мне удалось собрать за весьма продолжительный

срок и что имеет подобие достоверности.

ПИРАТ КИДД

Вскоре после того, как Новые Нидерланды были отняты королем Карлом II у их светостей, господ Генеральных Штатов Голландии, эта провинция, в которой все еще не восстановились спокойствие и порядок, сделалась пристанищем всякого рода авантюристов, бродяг и вообще любителей легкой наживы, живущих своим умом и ненавидящих старомодные стеснения со стороны Евангелия и закона. Среди них первое место принадлежало буканьерам³. Эти морские грабители получили, быть может, воспитание на каперских кораблях, явившихся отличной школой пиратства, и, вкусив единожды от прелести грабежа, продолжали тянуться к нему всей душою. Ведь от капера⁴ до пирата всего-навсего один шаг: и тот и другой сражаются из любви к грабежу; последний, впрочем, должен обладать большей отвагою, ибо он бросает вызов не только врагу, но и виселице.

Но в какой бы школе они ни прошли обучение, буканеры, державшиеся вблизи берегов английских колоний, были ребята дерзкие и отважные; несмотря на мирные времена, они вершили свое черное дело, нападая на испанские поселения и испанских купцов. Легкий доступ в гавань Манхэттена, обилие в его водах укромных местечек и слабость недавно установившейся власти привели к тому, что этот город сделался сборным пунктом пиратов; здесь они могли спокойно распорядиться добычею и не спеша, на досуге, готовиться к новым набегам. Возвращаясь сюда с богатыми и чрезвычайно разнообразными грузами, роскошными произведениями тропической природы и награбленной в испанских владениях драгоценной добычей, распоряжаясь всем этим с вошедшей в поговорку корсарской беспечностью, они были желанными гостями для корыстных купцов Манхэттена. Толпы этих десперадо⁵, уроженцев любого государства и любой части света, среди бела дня, расталкивая локтями мирных и невозумимых мингеров, шумели и буйнили на солных улицах городка; сбывали ловким и жадным купцам свой богатый заморский товар за половину или даже за четверть цены и затем прокучивали в кабаках вырученные за него деньги; пили, резались в карты и кости, драли глотку, стреляли, божились и сквернословили, а своими криками, полуночными драками и буйными выходками будили и пугали обитателей ближних кварталов. В конце концов эти бесчинства приняли настолько угрожающие размеры, что стали позором провинции и побудили громко воззвать к вмешательству власти. Были принятые меры, имевшие целью положить предел этой успевшей разрастись общественной язве и вышвырнуть из колоний всех присосавшихся к ним тунеядцев и паразитов. Среди лиц, привлеченных властями к выполнению этой задачи, был и знаменитый капитан Кидд. В продолжение долгого времени никто в сущности не знал его настоящего образа жизни; он принадлежал к разряду тех не поддающихся определению океанских животных, о которых можно сказать, что они — не рыба, не мясо и не курятина. Он был немножко купцом и еще больше контрабандистом, от которого к тому же весьма и весьма разило морским разбоем. Немало лет торговал он с пиратами на своем крохотном, мосquitoобразном суденьшке, которое было пригодно для плаванья в любых водах. Он знал все их стоянки и укромные уголки, постоянно бывал в каких-то таинственных плаваньях и носился с места на место, как цыпленок

матушки Кери в ненастье⁶.

Этот невообразимый субъект, будучи для подобного дела человеком вполне подходящим, получил от властей поручение охотиться за пиратами на море — ведь гласит же золотое старинное правило, что «для поимки плута нет никого лучше, чем плут», и ведь ловят же иногда рыбу при помощи выдр, этих двоюродных братьев рыбьего племени.

Итак — дело происходило в 1695 году — Кидд снялся с якоря и на хорошо вооруженном и снабженном должностными полномочиями боевом корабле, носившем название «Приключение», отплыл из Нью-Йорка. Добрившись до места своих прежних стоянок, он заново и на новых условиях подобрал для себя экипаж, включил в его состав довольно значительное число своих старых приятелей

— рыцарей ножа с пистолетом — и после этого взял курс на восток. Вместо того чтобы заняться преследованием пиратов, он сам взялся за пиратское ремесло. Он повел свой корабль к Мадейре, Бонависте и Мадагаскару и затем принял ся крейсировать у входа в Красное море. Здесь, не говоря уже о прочих грабительских нападениях, он захватил богатое торговое судно; команда его состояла из мавров, но капитаном был англичанин. Кидд охотно выдал бы это за подвиг, за своего рода крестовый поход против неверных, но правительство уже давным-давно потеряло вкус к подобным «триумфам» христианства.

Так, скитаясь по морям, торгую награбленным и меняя один за другим корабли, провел он несколько лет и возымел, наконец, смелость возвратиться в Бостон, куда и прибыл с богатой добычею и ватагою шумных товарищней в качестве свиты.

Времена, однако, переменились. Букиньеры теперь уже не могли безнаказанно появляться в колониях. Новый губернатор лорд Беллемонт проявлял исключительную энергию в деле искоренения этого зла и к тому же был раздражен поведением Кидда, ибо по его, лорда Беллемонта, ходатайству Кидду оказали доверие, которого он, однако, не оправдал. Поэтому, едва Кидд прибыл в Бостон, власти забили тревогу по поводу его возвращения и приняли меры, чтобы арестовать этого морского грабителя. Однако неоднократно проявленная Киддом отвага и его готовые на все, отчаянные товарищи, которые, точно бульдоги, следовали за ним по пятам, были причиной того, что его арестовали не сразу. Он, как говорят, использовал эту отсрочку, чтобы зарыть большую часть своих огромных сокровищ, и затем с высокой головой появился на улицах города. При аресте он пытался сопротивляться, но был обезоружен и вместе со своими телохранителями брошен в тюрьму. Этот пират и команда его корабля, даже будучи взяты под стражу, казались властям настолько опасными, что они решили снарядить целый фрегат, дабы доставить их в Англию. Его товарищи приложили немало усилий, надеясь вырвать его из рук правосудия, но все было напрасно — он и его сообщники предстали перед судом, были осуждены и повешены в Лондоне. Смерть Кидда была мучительной: веревка, не выдержав тяжести его тела, оборвалась, и он упал на землю. Его вздернули снова, и на этот раз с большим успехом. Отсюда, без сомнения, берет начало предание, будто жизнь его была заговорена и судьба готовила ему быть повешенным дважды.

Такова в общих чертах история Кидда; эта история, однако, породила неисчислимую вереницу потомков. Рассказы, что будто бы перед арестом он успел зарыть сказочные сокровища, состоявшие из золота и драгоценностей, взбудороп-

жили умы всего честного народа на побережье. Без конца возникали все новые и новые слухи о якобы найденных здесь или там крупных денежных суммах или о монетах с арабскими надписями, награбленных, без сомнения, Киддом во время его восточного плаванья, монетах, на которые простой люд взирал с суеверным страхом, ибо арабские буквы казались ему магическими письменами самого дьявола.

Утверждали, что эти сокровища зарыты в уединенных, пустынных уголках между Плимутом и мысом Код; постепенно, впрочем, благодаря этим слухам, народное воображение позолотило и другие места, и притом не только на восточном берегу, но даже вдоль берегов Саунда, Манхэттена и Лонг-Айленда. Суровые меры лорда Беллемонта чрезвычайно напугали буканьеров, в какой бы части провинции они в то время не находились: они поспешно припрятали свои деньги и драгоценности в глухих, расположенных вдали от дорог тайниках, на диком, необитаемом морском и речном берегу и рассеялись по лицу всей страны. Рука правосудия навсегда отняла у многих из них возможность возвратиться назад и выкопать спрятанные ими сокровища, которые остались лежать в земле и, быть может, остаются там и по сей день на глазах кладоискателям.

В этом и следует видеть источник столь частых известий о деревьях и скалах, на которых якобы обнаружены какие-то таинственные метки и знаки, заставляющие предположить, что они служили для указания мест, где были зарыты богатства; многие усердно занимались поисками пиратской добычи. Во всех повествующих об этих попытках рассказах — а таких рассказов когда-то ходило великое множество — дьяволу отводится чрезвычайно видное место. Его приходится улещивать специальными церемониями и заклинаниями, либо с ним заключают торжественный договор. Впрочем, он все-таки норовит сыграть с кладоискателями какую-нибудь скверную шутку. Иным из них удавалось даже добраться до железного сундука, но всякий раз, разумеется, случалось что-нибудь неожиданное. То, сколько бы они ни копали, яму снова засыпало землей, то страшный грохот или появление призраков наполняли их ужасом и заставляли бежать без оглядки; порою, наконец, являлся сам дьявол и отнимал добычу у них из-под носу, и, возвратившись утром на прежнее место, они не могли обнаружить ни малейших следов своей работы в минувшую ночь.

Все эти толки, однако, были чрезвычайно туманны и долгое время терзали мое неудовлетворенное любопытство. Ничто на свете не добывается с такими трудами, как истина, а истина для меня — самое дорогое на свете. Я обратился к моему излюбленному источнику достоверных известий по истории края — к старейшим жителям этих мест, в особенности к старухам-голландкам, но, хотя я тешу себя надеждой, что лучше, чем кто-либо, осведомлен по части преданий и поверий родного края, все же мои разыскания в продолжение долгого времени не приводили к сколько-нибудь существенным результатам.

Наконец как-то, ясным солнечным днем, в конце лета, отдыхая после напряженных занятий, я развлекался рыбной ловлей в тех самых местах, в которых обожал пропадать в дни моего детства. Я находился в обществе нескольких почетных обитателей моего города — среди них были видные члены общины, имена которых, если бы я осмелился их назвать, оказали бы честь моим скромным писаниям. Наша ловля шла как нельзя хуже. Рыба решительно отказывалась клевать, и мы часто меняли место, что, впрочем, не приносило нам счастья. Мы

бросили якорь в конце концов у самого берега, под выступом скалы, на восточной стороне острова Манхэттен. Был тихий и теплый день. Мимо нас стремительно неслась и кружила вода река, но нигде не виднелось ни малейшей волны, ни даже ряби; все кругом пребывало в таком спокойствии и такой безмятежности, что нас почти изумляло, когда с ветки сухого дерева вдруг внезапно срывался зимородок, который, целясь, повисал на мгновение в воздухе и потом падал камнем за добычею в тихую воду. И в то время как, небрежно развались в лодке, убаюканные теплом и спокойствием дня, а также безнадежно скучко нашей неудачливой ловли, мы мирно клевали носами, одного достопочтенного олдермена из нашей компании одолел сон, и пока он дремал, грузило его удочки ушло на самое дно. Пробудившись, он обнаружил, что поймал нечто тяжелое. Он торопливо вытащил удочку, и мы были немало удивлены, увидев длинный, странный с виду пистолет чужеземного образца, который, судя по покрывавшей его ржавчине, а также по тому, что ложе его было изъедено червями и поросло раковинами, пролежал под водою изрядно долгое время. Неожиданное появление этого памятника военной истории предков вызвало моих мирных приятелей на оживленные tolki. Один из них высказал предположение, что пистолет попал в воду во время войны за независимость; другой, основываясь на необычности его вида, считал, что владелец его — кто-нибудь из первых переселенцев, быть может даже славный Адриан Блок, который исследовал Саунд и открыл миру Блок-Айленд, пользующийся с той поры такою известностью благодаря своему сырью. Третий однако, рассмотрев его внимательнее других, заявил, что он бесспорно испанской работы.

— Я убежден, — сказал он, — что если бы этот пистолет обладал даром речи, он поведал бы нам любопытнейшие истории о жарких схватках с испанскими донами. Я не сомневаюсь, что это — след буканьеров былых дней; кто знает, не принадлежал ли он самому Кидду?

— Да, этот Кидд был малый не промах, — вскричал старый китолов с мыса Код. — Ему посвящена одна славная старая песенка:

Я прозываюсь шкипер Кидд.

Собравшись в путь, собравшись в путь...

и, хотя она состоит всего из нескольких слов, все же в ней рассказывается, как он завоевал расположение дьявола, зарыв в песок свою библию:

Держал я Библию в руке, Собравшись в путь, собравшись в путь, И схоронил ее в песке.

Собравшись в путь, собравшись в путь.

— Черт побери, если бы я думал, что этот пистолет и впрямь принадлежал Кидду, я счел бы его чрезвычайно ценною штукой; вот было бы здорово!.. Кстати, я вспоминаю об одном парне, которому удалось выкопать зарытые Киддом деньги, — эту историю записал когда-то один из моих соседей; я выучил ее наизусть. И так как рыба все еще не клюет, я готов, пожалуй, ее рассказать.

Произнеся эти слова, он поведал нам нижеследующее.

ДЬЯВОЛ И ТОМ УОКЕР

В Массачусетсе, недалеко от Бостона, есть небольшая но глубокая бухта, которая, начинаясь у Чарльс-Бей, вдается, делая петли, на несколько миль в материк и упирается в конце концов в заросшее густым лесом болото, или, вернее, топь. По одну сторону этой бухточки тянется прелестная тенистая роща, тогда как на противоположном ее берегу, у самой воды, круто вздымаются довольно значительная возвышенность, на которой растет несколько одиноких старых, могучих дубов. Под одним из этих гигантских деревьев, как повествует предание, были зарыты сокровища Кидда. Наличие бухты позволило ему без особых хлопот, глухой ночью и сохранив полнейшую тайну, перевезти в лодке свою казну к самой подошве возвышенности; высота места облегчила возможность удостовериться в том, что поблизости нет посторонних свидетелей, и, наконец, деревья, приметные издали, служили отличными вехами, с помощью которых впоследствии можно было бы без труда разыскать спрятанный клад. Предание добавляет также, будто руководство во всем этом деле принадлежало не кому иному, как самому дьяволу, который и взял под свою охрану сокровища Кидда; известно, впрочем, что совершенно так же он поступает со всеми припрятанными богатствами, в особенности если они добыты нечистым путем. Как бы там ни было, но Кидду так и не удалось возвратиться назад и воспользоваться своими деньгами; вскоре он был арестован в Бостоне, отвезен в Англию, осужден как пират и повешен.

В 1727 году, то есть в том самом году, когда Новую Англию постигли страшные землетрясения, побудившие многих закоренелых грешников преклонить в молитве колени, близ этого места проживал тощий скаредный малый по имени Том Уокер. Жена его отличалась такой же скаредностью; они были настолько скаредны, что постоянно норовили как-нибудь обмануть друг друга. Все, до чего добиралась рука этой женщины, тотчас же попадало в ее тайники; не успеет, бывало, закудахтать во дворе курица, как она тут как тут, чтобы завладеть свежеснесенным яйцом. Ее муж постоянно рыскал по дому в поисках ее тайных запасов, и немало жарких споров происходило у них из-за того, что обычно считается общею собственностью. Они обитали в ветхом, одиноко стоявшем, с виду даже вовсе необитаемом доме, который всем своим обликом напоминал голодающего. Вокруг него росло несколько красных кедров, которые, как известно, являются эмблемой бесплодия; над его трубою никогда не вился дымок, ни один путник не останавливался у его двери. Жалкая тощая лошадь — ее ребра можно было пересчитать с такою же легкостью, как прутья рашипера⁷, — уныло бродила на небольшом поле у дома, и тонкий слой мха, едва прикрывающий находящийся под ним щебень, терзал и обманывал ее голод. Выглядывая порой поверх изгороди, она жалобно смотрела в глаза прохожему и молила, казалось, о том, чтобы ее взяли с собою из этой страны вечного голода.

И дом и его обитатели пользовались дурной славою. Жена Тома была на редкость сварлива, обладала вздорным нравом, неутомимым языком и тяжелой рукой. Нередко можно было услышать ее пронзительный голос во время словесных перепалок с супругом, и его лицо время от времени явственно свидетельствовало о том, что эти сражения не всегда оставались чисто словесными. По